

Сладкое лето

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ашира Хаан

18+

Ашира Хаан

Сладкое лето

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67724226

SelfPub; 2022

Аннотация

Легкомысленный эротический роман ♥♥♥ У них есть только одно лето – и они не потеряют ни одного его дня. Маленькая злая Ася – кондитер, который не любит сладкое, и безбашенный Макс, любитель всего экстремального. Они идеально подходят друг другу, но у них слишком много секретов... Будет МНОГО секса. Будет ОЧЕНЬ горячо. Лето не кончится НИКОГДА. И не говорите, что вас не предупреждали!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Коктейльные вишни	5
Малиновый десерт	16
Свадебный торт	30
Кокосовое масло	46
Шоколадные капкейки	59
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ашира Хаан
Сладкое лето

Коктейльные вишни

– Когда-нибудь мечтала о сексе с незнакомцем в темноте?.. – мужской вкрадчивый голос.

Дыхание сзади на шее, горячее тело за спиной – в сантиметре.

Наглые руки трогают мои обнаженные плечи, спускаются на талию, уверенно и властно сжимают ее.

Запах имбиря, кардамона и перца.

Пряный, сильный, необычный.

По моей коже разбегаются мурашки. Никто не ждет ответа – его пальцы очерчивают бедра под пышной юбкой из тафты и беззастенчиво ее задирают, кончик языка дотрагивается до моей шеи, губы ведут цепочку поцелуев вниз по позвоночнику.

Я прерывисто вздыхаю, чувствуя, как острое напряжение электрическими искрами разбегается от тех мест, где он касается меня. Вмиг вся моя кожа становится сверхчувствительной, чтобы не пропустить момент, когда он коснется ее в следующий раз: легко прикусит местечко за ухом, по сильнее – там, где шея переходит в плечо, огладит бедра сильными движениями и положит ладонь на лобок, где под тонкой тканью уже горячо и влажно. Он прижимается теснее, окутывает своим пряным ароматом до головокружения, и я непроизвольно сжимаю бедра – и пальцы на крышке банки

с коктейльными вишнями, о которых я уже забыла.

А ведь в этой кладовке я оказалась не для того, чтобы по-пасться в ловушку. Я просто заглянула сюда, увидела нужную мне банку и встала на цыпочки, чтобы достать ее с верхней полки, когда внезапно погас свет и за спиной захлопнулась дверь.

Повернуться я уже не успела – меня поймали.

Я могу вырваться, могу закричать, потому что рот мне оставили свободным для стонов и вздохов, могу пнуть мужчину позади тонким острым каблуком под колено, могу разбить банку с вишнями об пол или о его голову.

Могу, наконец, просто ответить: «Нет», – хотя и не знаю, послушает ли он.

Но я не делаю всего этого, потому что мой ответ: «Да».

Мечтала.

Прямо сегодня, на свадьбе своей лучшей подруги, и мечтала.

У меня вставали дыбом волоски на коже, когда мимо проходили мужчины, пахнувшие мускусом, потом, бризом и ментолом. В глазах стоп-кадрами фиксировались напрягшиеся жилы на запястьях, строгие линии челюсти с отливом щетины, пальцы с шершавыми подушечками. Низкие голоса заставляли вибрировать что-то внутри.

А ведь счастливая невеста Соня предупреждала меня о том, что в друзьях ее будущего мужа исключительно отборные экземпляры на любой вкус. Я не верила, думала, она

сравнивает с тем шлаком, что попалался ей на сайте знакомств до того, как она встретила своего мужа.

Как жестоко я была наказана!

За последние несколько лет я совершенно отвыкла от таких роскошных тусовок. Я и сюда пришла только с условием, что мне дадут посмотреть список гостей. Никого опасного там обнаружено не было, вечеринку устраивали на закрытой территории, поэтому я купила самое легкомысленное платье из тех, при взгляде на которые думаешь: «Ну это уже чересчур!» и намеревалась оторваться по полной. Возможно, в мои планы и входил легкий флирт, но такой встречи я не ожидала. И своей реакции не ожидала тоже.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я решила подумать о работе. Это всегда помогает, я трудоголик.

Последний раз, когда я была на свидании, я вдруг уловила в ресторанном десерте то самое сочетание теплого ржаного хлеба и арбузной ледяной свежести, которое напомнило мне об августовском жарком полдне, бабушкином старом доме и детстве. Конечно, я моментально захотела перевести это на язык десертов и весь оставшийся вечер решала задачку, как не перегреть арбуз, когда я буду соединять его с желатином, и чем передать ржаной вкус, чтобы не обращаться к банальностям вроде подложки из хрустящего хлебца.

Может быть, я при этом была не слишком общительна, но мой спутник вполне получил за это компенсацию, когда в момент его оргазма я так радостно заорала, будто мы толь-

ко что зачали Жеребца, Который Покроет Весь Мир. Должно быть, он отнес это к своим талантам, а я не стала ему говорить, что в этот момент меня как раз осенило новым шедевральной десертом.

Работа помогла.

Я решила, что мои пирожные из солоноватого шоколадного мусса чересчур авангардны для широкой публики. Но если дополнить их приторной сладостью сахарных вишен, будет интересный контраст... Это отвлекло меня достаточно, чтобы я перестала провожать голодным взглядом каждого мужчину от двадцати до пятидесяти.

Правда, я не ожидала, что коктейльные вишни найдутся в доме человека, у которого брутальность чуть ли не из ушей льется. Но они нашлись.

А я – попалась в чьи-то наглые руки. Можно больше не бороться с соблазнами, не думать о том, что утром будет стыдно, что на постоянные отношения у меня нет времени – да и желания. Можно нырнуть с головой в приключение, переложив ответственность на кого-то другого. Того, кто пришел за мной в эту кладовку.

Сердце бьется где-то в горле, я прикрываю глаза: все равно в темноте от зренья никакого толка – и только впитываю касания губ и пальцев. Когда рука незнакомца наконец отодвигает тонкую ткань и безошибочно находит то место, где сосредоточены сейчас все мои чувства, я непроизвольно вздыхаю, и дрожь пробегает по моему телу.

– Мечтала... – тем же полушепотом заползает мне в ухо вкрадчивый голос. Самодовольный смешок щекочет кожу. – Я сразу понял, что ты только на вид приличная девочка. Хочешь продолжения – найди меня...

И все – пальцы, губы, жар тела, тяжелый пряный запах и само присутствие вдруг покидают меня. Последнее, что я слышу от двери кладовки, прежде чем в ней вновь загорается свет:

– Если сумеешь...

Ах ты!

От злости я так сжимаю крышку банки с вишнями у меня в руках, что она легко отвинчивается. А ведь у меня никогда не хватает на это сил!

Выхожу на кухню, где меня ждут причудливые шоколадные корзиночки, заполненные шоколадным муссом. И медитативно, нарочито медленно и аккуратно, чтобы справиться с дрожью во всем теле, начинаю раскладывать в них зеленые, пропитанные сиропом вишни.

Сумею.

У меня есть секрет.

Найду.

И отомщу!

Причудливые шоколадные корзиночки с зелеными вишнями внутри теперь смотрелись идеально. Они намекали, что тут все непросто. Предупреждали неосторожных любителей сладкого об опасности своим ядовитым цветом.

Моя работа здесь была окончена.

...Или поискать еще миндальные лепестки?..

– Золушка как всегда у очага! – возмутилась прекрасная невеста, появляясь в дверях кухни. – Если Аси не видно, Ася занимается тортиками.

Соня выглядела великолепно в демонстративно белом свадебном платье и с фатой. Мы с ней проклинали пять или шесть самых роскошных свадебных салонов за то, что там с порога вели нас смотреть платья «альтернативных цветов» и намеков не понимали, даже когда невеста твердо говорила, что хочет самое традиционное платье на свете. Все равно пытались протащить либо шампань, либо слоновую кость. Неприлично в тридцать пять лет, видите ли, в белом замуж выходить!

Зато седьмой салон возблагодарил богов за нас, потому что продал самое классическое свадебное платье в мире за безумные совершенно деньги, которое торчало у них в витрине со дня основания. Впрочем, Соня до сих пор не знает, какова была степень безумства тех денег, потому что будущий муж поручил мне охранять ее от этой информации.

– Я тебя на свадьбу пригласила как гостя, а не как кондитера! Кыш из кухни!

– Ася-гость и Ася-кондитер идут комплектом, два в одном. Извини. Могу утешить, едим мы все-таки, как одна Ася.

– Мы ужасно беспокоились, как бы ты нас не объела, – всплеснула руками Соня. – Иди к гостям. Соврати там ка-

кого-нибудь миллионера. Сама говорила, что хочешь свою кондитерскую.

– Мне и так хорошо. – Я отмахнулась, но все-таки вытерла руки полотенцем и в последний раз осмотрела мои безумные пирожные. – В кондитерской надо будет работать.

– А сейчас ты что делаешь?

– Творю, Сонечка. Индивидуальные заказы. Каждому свое чудо.

Я не шучу.

Кроме сочетаний вкусов, есть еще душа.

Желтые яблоки пахнут горячим летом на исходе и простой тихой жизнью.

Красные, особенно с пряными травами – полнотой жизни, торжеством над смертью и силой.

Зеленые, хрустящие – началом чего-то нового.

Если подобрать ингредиенты правильно, можно всего одним кусочком торта изменить настроение человека. Или даже переменить участь.

Поэтому я, начав с традиционных бисквитов, быстро перешла на муссы – в них можно добавить практически любой вкус и запах.

То, что я в свадебном торте расскажу о Соне – будет еще одним чудом. Все, кто не понимает, почему успешный солидный мужчина, который мог выбрать любую, женился на не очень молодой, не очень стройной и, на первый взгляд, не самой интересной женщине, увидят ее моими глазами.

Точнее, почувствуют моим... языком?

Фу, пошлость какая!

Мы с Соней полные противоположности.

Она добрая, мягкая – в том числе и потому что пухленькая, умная, верит в людей.

Я – мелкая и тощая, злая, саркастичная девка, сбежавшая из института на втором курсе, чтобы печь тортики.

Если нас видят вместе, все сразу думают, что кондитер – Соня.

Потому что кондитер должен быть толстым, ведь он ест свои сладости!

Тут есть две ошибки. Кроме той, что кондитер – это я.

Во-первых, я ненавижу сладости.

Во-вторых, мои десерты практически не сладкие.

Десерты – это вообще не сладости к чаю.

Это не еда.

Это развлечение после еды.

Когда голод утолен и можно оценить тонкие вкусы и их сочетания.

Поэтому я кладу в свои торты и пирожные минимум сахара, чтобы он не заглушал настоящий вкус ингредиентов, а раскрывал его. В любом рецепте я сразу уменьшаю сахар в четыре раза, и это делает его только лучше. Фруктовым пюре, из которого делаются внутренние слои для муссовых тортов, он вообще не нужен, они и так сладкие. В сливочном муссе сахар может убить весь тонкий вкус и аромат.

Поэтому я работаю только с теми, кто готов к моим необычным десертам. Я кондитер-сноб, и я горжусь этим. Фигурные торты, покрытые толстым слоем сахарной мастики, снятся мне в кошмарах.

Но иногда я все-таки делаю исключения. Для этой свадьбы я придумала несколько видов пирожных, и почти все из них можно давать пробовать неподготовленным людям.

Соня грозно посмотрела на меня и сделала однозначный жест: вон из кухни! Я показала ей на пальцах: две минуты! Она вздохнула и вышла.

Я ужасно рада, что она нашла свою судьбу. С каждым днем она все больше раскрывается и становится из слишком скромной забитой женщины настоящей собой. Внутри у нее всегда чувствовался стержень, но она как будто не имела права отстаивать свои интересы.

Сейчас же...

Муж у нее – 1000 % танк, и ей немного перепало. Половым путем. Он дополнил ее, сделал цельной и сильной. Наверное, и она его чем-то дополнила.

Мне кажется, только ради этого и стоит жениться.

Поэтому я вряд ли когда-нибудь выйду замуж. У меня нет второй половинки, я совершенно самодостаточна, идеальна и прекрасна. Может быть, мне бы пригодилось второе такое совершенство, но где ж его возьмешь?

Но никто не мешает мне развлечься с несовершеннолетними и прекрасными.

Я выбралась из дома через заднюю дверь, обошла его и выглянула из-за угла. Гостей было сотни две, поэтому столы накрыли в саду. Там же развесили цветочные гирлянды, хотя они явно проигрывали настоящим цветущим яблоням. Розоватые лепестки осыпались прямо на фуршетные столы, покрывали майским снегом мини-сэндвичи и канапе, плавали в кувшинах с лимонадом.

Гости бродили по густому зеленому газону, который пока мужественно выдерживал такое испытание, собирались в группки, чокались бокалами на тонких ножках. За круглыми столиками уже никто не сидел, и время выноса свадебного торта тоже пока не подошло. Так что я могла разглядывать всех этих прекрасных мужчин в естественной среде обитания.

Модельные прически, безупречно сидящие костюмы, начищенные ботинки, сверкающие часы – моя слабость.

Они – будто стол с десертами на любой вкус: высокий темноволосый с ямочкой на подбородке, седой с тонкими чертами лица и в очках без оправы, брутальный и суровый владелец широкой челюсти и густых бровей – ох, где мои трусики!

А этот, с закатанными рукавами и смешливыми глазами? Скуластый и сероглазый с дерзко стоящим хохолком на затылке.

Мощный атлет – когда он поворачивается спиной, у меня подкашиваются ноги от вида его подтянутой задницы.

Еще один уже скинул пиджак и ходит в одной голубой ру-

башке, волосы у него уже успели где-то выгореть на солнце.

Невысокого роста и темноглазый – ему бы эспаньолку, был бы вылитый Роберт Дауни-младший!

Сухой, жилистый, с большим носом и внимательными глазами – он заметил меня, встретил взгляд и подмигнул.

Скажите, а некрасивые мужчины у вас есть или я сейчас кончусь прямо тут, за углом?

И где-то среди них тот, кто пахнет перцем, имбирем и кардамоном.

Наивный. Ходит себе спокойно и знать не знает, что его погибель уже здесь.

А не надо было меня бесить!

Малиновый десерт

Мое место за столом с женихом и невестой по мне уже соскучилось, но я к нему пока не вернусь. У меня есть занятие поинтереснее, чем слушать, как мама невесты рассказывает о ее младенчестве.

Витрина с лучшими десертами как раз у фуршетного стола и танцпола. Отличный повод перекусить и разглядеть всех поближе.

Вот этот интеллигент в жилете в серую клетку и с голубыми глазами – у него на лице написано: «МГИМО», а потом еще: «Оксфорд». Разве он мог бы зажать девушку в кладовке и облапать этими пальцами музыканта?

Я прошла мимо него, потянулась за тарталеткой – и он с готовностью отодвинулся, даже чуть более поспешно, чем надо, чтобы не прикоснуться ко мне.

Гей, женат, слишком вежливый?

Неважно, потому что пахнет от него анисом. Терпеть не могу анис. Даже в пряничное тесто не кладу, хоть это и делает его чуть менее ароматным.

Следующий развернулся ко мне сам и, наоборот, перекрывает дорогу. Теперь, чтобы дотянуться до сырной тарелки, мне надо очень, очень тесно к нему прислониться...

У него очаровательная улыбка и веселые глаза, на дне которых прячутся опасные искры. Этот точно не няшечка. Ах,

как он пахнет: мускатный орех и цитрон.

Я посмотрела на него с таким сожалением, что он даже отшатнулся. Прости, парень, но никакая улыбка и запах не перебьют остроту загадки, которую загадал мне мой перец, имбирь и кардамон.

Маленький квартет, до этого наигрывавший тихий блюз, вдруг вдарил что-то торжественно мажорное и зажег заводную латину!

В одну секунду полусонная толпа гостей встрепенулась, рассыпалась на пары и закружила меня в тропическом жарком ритме. Я даже не успела задуматься о том, что тоже хочу танцевать, а меня вместе с бокалом уже подхватили чьи-то руки. Сильные, жилистые, забитые татуировками – я поплыла раньше, чем провела взглядом вверх по черной рубашке и добралась до твердой линии подбородка и ослепительной улыбки.

– Танцуешь, *chica*?

– Уже да! – Или мне только почудился вопрос в его эротично-хрипловатом голосе? Потому что он уже твердо держит меня, ведет, поворачивает, крутит – мне совсем ничего не приходится делать, только следовать за ним. Будто он создан для этого ритма и мгновенно вылепил под него и меня тоже.

Вечер воспользовался случаем, пока мы отвлекались на танцы, и незаметно развесил по саду густые синие сумерки. Незаметно, будто звезды, тут и там начали загораться мер-

цающие огни в траве и на ветвях деревьев, а цветочные гирлянды обернулись россыпью золотых лампочек.

Выросла из теплого желтого цвета и мягких теней та самая вечерняя атмосфера, когда кажется, что нет в мире ничего запретного, и надо успеть, пока последний день мая еще не закончился, пока все зыбко и все возможно.

Лето только завтра – начнется, ударит солнцем и зеленью, заставит раздеться, раскрыться и отдаться.

А пока тайна, латина, сумерки и огни...

И тот, кто танцует со мной, – танцует как бог.

Латина сменилась чем-то медленным и тягучим, но он меня не выпустил. Наоборот, прижал к себе ближе.

– Ты была такая яркая, пока было светло. В солнечно-желтом платье, со своими белыми волосами. А сейчас растворяешься в темноте, как призрак.

Ух ты, мы еще и словам красивым обучены.

На танцполе становилось тесновато. Нас толкали другие пары, пробираясь поближе к музыкантам. Всем хотелось погрузиться в эту густую, как летний вечер, мелодию. Проходили мимо, задевали, но мужские руки держали меня крепко. И прижимали к себе все сильнее.

Но когда мелодия закончилась, я аккуратно сняла их со своей талии и сказала:

– Все, дама ангажирована другими.

– Но почему? – удивился он.

Я провела по кольцу на его безымянном пальце:

– Вот поэтому.

И отступила назад, чуть не врезавшись в шоколадный фонтан.

Была бы Ася в шоколаде. Полном.

Чем пах этот прекрасный танцор?

А это уже совершенно неважно.

Я внимательно оглядела танцующие парочки, увлеченно жующих и пьющих у фуршетного стола, группу товарищей с сигарами глубоко за сорок с уже отчетливыми пузиками.

Да, не все тут шоколадные зайцы, есть и попроще.

И решительно направилась с тому самому, с выгоревшими на солнце волосами и в голубой рубашке.

Он ни с кем не танцевал, ничего не пил. Стоял и смотрел куда-то поверх голов, туда, где в глубине сада между цветущих яблонь перемигивались огоньки.

Я подкралась сзади, пропустила руки под локтями его засунутых в карманы рук, обняла за пояс и, глубоко вдохнув аромат кардамона, прошептала на ухо:

– Попался!

– Привет! – обернулся он, увидел меня и не стал ничего отрицать. – А ты опасная. ФСБ? Интерпол? Ми-6? Как ты меня нашла?

– Тссс! – Я поднесла палец к его губам, с трудом удержавшись, чтобы их не потрогать.

У меня безупречное обоняние. Вот как бывает абсолютный слух, так у меня абсолютный нюх. Ми-6 взяло бы меня

служебной нюхательной овчаркой. Я знаю, что люди ели на завтрак и с кем тайком обнимались по углам. Я различаю на вкус все ингредиенты в коктейле, называю ноты в духах, а уж в определении специй мне нет равных!

Нет, курить не помогает.

Да, про июльский автобус я думаю с ужасом.

И, конечно, я узнала своего незнакомца, когда он прошел мимо нас на танцполе. Точнее, сначала я почувствовала азарт, желание, дрожь и чуть было не приписала их богу танца. Но потом запах уплыл, и я поняла, что нашла своего незнакомца.

Теперь я могла рассмотреть его как следует.

На вид лет тридцать. Русые волосы, когда-то бывшие одной из тех шикарных причесок, что у остальных десертных мужиков. Но они уже так давно отросли, словно у него в последний год не нашлось ни минутки заглянуть даже в самую дешевую парикмахерскую. Или хотя бы самому подровнять топором. Челка лезет в глаза, и он то и дело откидывает ее размашистым движением. Частично волосы сильно выгорели, словно он много времени проводил под ярким солнцем. Или сделал мелирование. Но вряд ли, если уж до парикмахера не дошел.

Теплые шоколадные глаза, обычные, в общем, но они как будто улыбаются, даже когда его губы серьезны. Обветренная загорелая кожа. Закатанные рукава голубой рубашки открывают сильные жилистые руки; ладони в мозолях, будто

бы привычные к физической работе. Но вот одна мелочь: рубашка новая и отнюдь не из «Фикс Прайса».

Как ты попал в эту тусовочку богачей, где разжился рубашкой и приобрел мозоли и загар, а, загадочный мужчина?

Впрочем, неважно. Важно то, что я смотрю на твои руки, и внутри все напрягается. И кольца нет на пальце, а значит – полный вперед!

Зачем кокетничать? Флиртовать? Намекать? Жеманиться? Если можно просто взять его за локоть и потащить за собой в дом. Сонечка меня простит за осквернение какой-нибудь гостевой спальни ее семейного гнездышка.

Но проблема в том, что, видимо, не только у меня недоух и не только мне нравятся все эти тестостероновые красавчики и изысканные интеллигенты. Свадьба зажгла всех.

Кабинет был уже заперт. Из-за двери ванной доносились чертовски зажигательные стоны, так что даже загорелый локоть в моих пальцах напрягся. Эх, видел бы ты сейчас мои соски!

Из нашей кладовки доносился тихий смех и характерный запах. Идиоты, траву покурить можно и в саду! Тут у людей другие интересы!

А мне что делать?

Я на секунду растерялась. Но потом мне в голову пришла идея!

– Кондитерская фея, куда ты меня ведешь? – поинтересовался наконец мой незнакомец, когда я поволокла его на

второй этаж. – Мы будем трахаться в тортe? В огромных ваннах, наполненных взбитыми сливками? Ты обмажешь меня шоколадом и оближешь? Или давай лучше я тебя обмажу и оближу!

Вот болтун! Его языку можно найти более интересное применение!

В конце коридора, по обеим сторонам которого расположены двери, скрывающие сейчас много всего интересного, есть закуток с узкой лестницей, ведущей на чердак. Надеюсь, я единственная, кто додумался до этой идеи.

Я начала подниматься по деревянным перекладинам, и тут... Руки незнакомца бесцеремонно забираются под мою юбку, едва она оказывается на удобной для этого высоте. Прямо как в кладовке. Но есть разница. Бесплезную и бессмысленную мокрую тряпочку, в которую превратилось мое белье после нашего первого короткого общения, я скинула еще до начала танцев. Не просто так, конечно. С далеко идущими целями.

Он проводит ладонью у меня между ног, и пальцы быстро ныряют внутрь, словно проверяя, хорошо ли я готова. О, поверь мне, парень, я так готова, как тебе и не снилось.

Он подхватывает меня за талию, легко снимая с лестницы и поворачивая к себе, но на пол так и не ставит, а держит так, что наши глаза остаются на одном уровне. У него полные, четко очерченные губы, в которые хочется впиться зубами, чтобы проверить, не брызнет ли сок, если я их надкушу?

Но я болтаюсь как кукла в его руках, и инициатива принадлежит ему. Он наклоняется и, не отрывая взгляда от моих глаз, прикусывает мою нижнюю губу. Так легко и остро, словно тоже ждет, не брызнет ли сок. И смотрит, смотрит, будто не знает, что во время поцелуев положено закрывать глаза!

– Твои губы на вкус как вишня, – сообщает он мне. – А твой язычок...

На этот раз он накрывает меня ртом, раздвигает губы, и его настойчивый ловкий язык сплетается с моим. Он посаживает его как леденец и, разрывая поцелуй, который мне разрывать не хочется, нагло сообщает:

– Карамель. Кисло-сладкая, как барбариска.

Я тянусь к нему, чтобы продолжить, но он отклоняется со смехом и ставит меня на пару ступенек выше:

– Я должен попробовать тебя всю!

Мое платье держится на мне только за счет жесткого корсета, сжимающего грудь, оставляя обнаженными руки и плечи. Плотная вышивка, жесткие косточки и утягивающая ткань приподнимают и моделируют мне грудь из того не требующего лифчика недоразумения, что у меня вместо нее. Язык моего кареглазого прочерчивает зигзаги по тем местам, где эта имитация мягче и пышнее всего. У меня даже есть ложбинка! Он не забывает забраться и туда.

– Здесь ты белая и гладкая как сливки. – И облизывается.

Я уже догадываюсь, что он сделает дальше, но мы же в ко-

ридоре! Кто угодно может зайти сюда и завернуть за угол. И увидеть, как я сижу на одной из верхних ступенек лестницы, ведущей на чердак, и мои бедра нагло раздвинуты загорелыми руками.

Незнакомец смотрит мне в глаза и задумчиво говорит:

– Интересно, а какая ты там на вкус? Как сахарная вата? Ванильная помадка? Малиновый зефир?

Его первое касание я не чувствую, только догадываюсь, что он делает: кончик языка дотрагивается до головки клитора, едва-едва. Я не вижу, не ощущаю, но знаю, что там происходит у меня между ног. Мое воображение рисует мне эту картину, как если бы я смотрела эротический фильм со своим участием.

Длинные выцветшие пряди скрывают от меня самое интересное, зато я вижу грубые сильные руки, загорелые и исцарапанные, с белесыми шрамами на костяшках. Они лежат на белоснежной коже моих бедер, чуть-чуть вдавливаясь в них. Я это ощущаю просто как касание, но вижу немного больше – я еще этого не чувствую, но он уже держит меня крепко, так что не сбежать. Но пока я не буду дергаться, он не проявит свою власть.

И то, что мои бедра раздвинуты чуть-чуть шире, чем это сделала бы я сама, тому свидетельство. От этой слегка неудобной, чуть-чуть насильной позы немного потягивает мышцы, и это ощущение дрожью присоединяется к моему нетерпению, сливается с ним.

Горячее дыхание касается моей раскрытой вульвы, и я понимаю, что – да, действительно сижу с раздвинутыми ногами перед парнем, которого еще час назад не знала!

Он рассматривает меня – с большим интересом! – в таких подробностях, в каких меня видел только гинеколог...

...и, судя по его довольному «Мммм», ему нравится то, что он видит.

Его язык касается меня еще раз, но теперь я это чувствую по-настоящему. Он уже не маленькая горячая точка, теряющаяся на фоне остальных ощущений, – нет, он пробует меня от души. Я как будто мороженое в летнюю жару, я начинаю таять под жарким солнцем. И несносный мальчишка с теплыми глазами и непослушными вихрами лижет меня длинными жадными движениями, собирая сладкие растаявшие сливки со всех сторон.

Когда ему начинает не хватать этого лакомства, он ныряет языком глубже, словно надеясь достать оттуда еще немного.

– Мммм... – Он отрывается и смотрит на меня. Его губы блестят. – Нет, не малиновая. Абрикосовая. Хочешь попробовать? – И он тянется губами ко мне.

Я отшатываюсь:

– Не люблю сладкое!

Теплые глаза прищуриваются. Быстрый язык облизывает губы:

– Ну что ж... Зато я люблю.

И он возвращается назад, туда, где, честно сказать, его уже

заждались. Любое текущее мороженое было бы счастливо, если бы его вылизал такой мальчишка-ценитель.

Он накрывает ртом мои нижние губы, заволакивая все томительным теплом, очерчивает языком их края, а потом с силой проводит им сверху вниз. Всего несколько энергичных и простых движений, но мой клитор уже так давно их хочет, что откликается пульсирующим зудом. Я подаюсь бедрами вверх – и тут-то впервые чувствую ограничение его рук. Пальцы впиваются в кожу и не дают сдвинуться с места. Игра тут его.

Пока его.

Пока его язык обводит завязь клитора по кругу.

Пока короткие движения с нажимом в ритме моего сердца бьются как пульс наслаждения.

Пока каждое касание распяляет жар, каждое отзывается в напряженных мышцах живота, бедер, в сжатых пальцах, которыми я уцепилась за край ступеньки.

Я откидываю голову назад и закрываю глаза, чувствуя всем телом этот ритм.

Кончики пальцев покалывает, в крови закипает удовольствие, и она, проносясь мимо точки наслаждения, разносит его вспышки по телу, заставляя подрагивать мышцы.

Жесткие руки передвигаются чуть ближе к междуножию, вроде бы освобождая мою волю, но я не свожу бедра на комфортную ширину. Мне даже нравится чуть-чуть мучиться во время, как там, в глубине, растет сладкое и жаркое. Паль-

цы раздвигают меня, открывая клитор току воздуха, и мой незнакомец дует на него. Внутренности резко скручиваются в тугий узел, я подхожу к грани так близко, что еще буквально два движения и...

Но нет...

Жестокий язык скользит ниже, пытается прорваться в пульсирующее лоно.

Там сейчас хорошо бы быть чему-нибудь побольше и покрепче, но сначала пусть закончит с этим!

– Умоляй меня.

Что?!

Я чувствую, что все еще раскрыта, но поток возбуждения спадает, потому что никто не поддерживает огонь в очаге.

Глаза шоколадного цвета смотрят нагло и насмешливо:

– Умоляй меня, сахарная фея. Скажи: «Пожалуйста, Макс!»

Ах вот как его зовут.

Он наклоняется и проводит языком от входа в меня до клитора, задерживается на нем на пару секунд – и свернувшееся было возбуждение разворачивается мгновенно, как голодная кобра. Только кусает, увы, меня, а не его. Вновь зажигает кровь и распяляет почти до прежнего уровня.

Но снова – ничего дальше. Пауза. Ожидание. Наглый взгляд в мои глаза.

Я пытаюсь свести ноги, но он не дает.

Я опускаю руку, но ее ловят сильные пальцы.

– Давай же.

Он внимательно смотрит в мои глаза снизу вверх, но это вовсе не поза покорности. Сейчас все – в его власти.

Опускает глаза, наклоняется – еще одно медленное, плавающее меня движение языком, от которого начинают мелко дрожать мышцы ног и живота. Мне кажется, я сейчас умру, если он не закончит эту пытку.

– Пожалуйста, Макс... – сиплю я сквозь жажду, сквозь отторжение и сквозь собственную гордость.

И мгновенно мою руку отпускают, а горячие губы накрывают изнывающее местечко. Никто меня больше не держит – я могу подаваться бедрами вверх, вслед за вспышками неумолимого удовольствия. Несколько точных коротких движений языка – и Макс присасывается к клитору, взвинчивая обороты моего оргазма на полную.

У меня темнеет в глазах, я только чувствую рябь, которая сначала идет от моих напряженных ног и живота к пылающему полю боя между бедер, а потом оттуда разбегается волна огня, сжигающая все нервы и выкручивающая мышцы.

Одной рукой я держусь за лестницу, сдирая ногти, сжимая до белых костяшек, а другую прикусываю, чтобы не выдать нас и не закричать.

Волны прибоя ударяют меня

один,

второй,

третий,

четвертый раз,

постепенно стихая и оставляя слабость и опустошение.

Макс выпрямляется и смотрит на меня с таким невыносимым самодовольством, что решение рождается само собой.

Я собираю себя в кучку, сдвигаю ноги, одергиваю платье и тянусь к нему.

Он думает, что за поцелуем, но я чеканю ему в лицо аккуратно и равнодушно:

– Это было неплохо, благодарю за доставленное удовольствие.

А потом соскакиваю с лестницы и, прежде чем он успеет опомниться, проскальзываю вдоль коридора и сыпаюсь вниз, на первый этаж.

О, вот и ванную освободили!

Я запираюсь там и беззвучно смеюсь, вспоминая выражение его лица.

Свадебный торт

Фоновая музыка за пределами дома вдруг стала намного громче и как-то торжественней. Я долго прислушивалась, пытаюсь понять, что это за знакомая мелодия, пока она не зашла на новый круг и не вжарила маршем Мендельсона. В переложении для струнного квартета, так что получилось довольно нежно.

Что там может быть? Вроде уже все поженились, а провожать молодых в кроватку рано.

А, торт!

Сейчас будут резать и раздавать мое гениальное творение.

Надо бы появиться перед людьми, помаячить в качестве автора десертов. Если среди этой элиты набрать заказов, то работать я буду меньше, а получать больше. Мне сейчас это было бы в тему, летом традиционный спад спроса. А деньги мне нужны.

Хотя кому они не нужны?

Я подошла к зеркалу, побрызгала на себя холодной водой, улыбнулась своему растрепанному отражению. На свадьбу сделала модный розовый макияж, который не отвлекал внимание от великолепного желтого платья. Мне как-то удивительно пошло – получился такой нежный образ.

И обновлять легко: поплачешь немного, и снова все розовое. Сейчас бы пригодилось, потому что и расческа, и те-

ни, и помада остались в клатче, скупающем на моем месте за банкетным столом. Но плакать после такого оргазма можно только от счастья.

Пришлось ограничиться поправленной прической, хотя несколько прядей, выбившиеся из заколотых наверх волос, выглядели очень секси. Как будто я только что из постели очень страстного любовника. И губы как раз искусанные. А я не из постели, я с лестницы!

Желтое платье в полумраке и правда смотрелось призрачно. Я проскользнула за спину молодых, никем не замеченная. Они уже стояли над моим шедевральной шестиярусным тортом. Впрочем, «молодой» там такой, за ним можно взвод солдат спрятать, не то что одну сорокакилограммовую Асю.

Но Сонечка умеет выуживать из-за своего благоверного что угодно. И кого угодно. Вот и меня поймала и вытолкнула вперед.

– Рассказывай про торт!

– Сонь, а ты уверена, что именно это надо людям на свадьбе?

Я почти месяц работала над ним. Как только Сонечка похвасталась колечком, так и начала. Инженерные конструкции там – просто фантастика. Заставить легкие муссы как-то держаться друг на друге, сохранять форму и не проваливаться намного сложнее, чем плотные бисквиты. Свадебные торты вообще не особенно стараются делать вкусными. Достаточно, чтобы он роскошно смотрелся, был покрыт всяче-

ским романтическим декором и принимал на тарелках пригодный для фотографий в Инстаграм вид.

Сделать так, чтобы это можно было не только резать и фотографировать, но и с удовольствием есть, да еще и вложить глубокий смысл в оттенки вкуса... О, я бы сейчас приняла какую-нибудь Нобелевскую премию для кондитеров-виртуозов. Но не дадут. Только речь заставят говорить.

– Я уверена, что тебе нужна реклама, а гостям – понимание, какой шедевр они едят.

Может быть, прежняя скромная Сонечка мне нравилась больше?

Нет, конечно. Просто могу я постесняться?

Секунд пять мне на это дали, а потом пришлось выходить и все равно говорить:

– Перед тем как жених и невеста... точнее, уже муж и жена, по традиции разрежут торт...

За спиной раздался тихий голос жениха и мужа:

– А это точно свадебная традиция? Что-то я такого не припомню.

– Что, ни на одной из семи свадеб? – ехидная Сонечка.

– Не, ну если ты хочешь, то ради бога, могу еще шампанское из туфли выпить.

– А это зачем, господи прости?

– Это тоже свадебная традиция.

– Когда дойдешь до калыма и верблюдов, вспомни, что тебе уже досталась за меня кошка.

– ...я хочу рассказать, что он не обычный свадебный торт, – продолжила я. – Каждый его ингредиент подобран так, чтобы отразить характер невесты.

Я повернулась, чтобы показать на Сонечку, а то вдруг тут кто-то еще не в курсе, кто у нас невеста, и заметила выходящего из дома Макса.

– ...Внутри у него конфи из яркого манго: кисло-сладкое и солнечное, основа вкуса. В пару к нему тонкая прослойка желе из деликатной розы, ароматной и ненавязчивой, смягчающей тропическую силу. Это вкус, который останавливает вас, замедляет и заставляет вслушаться в свои ощущения как в шепот. Поверх все укутано в сливочный мусс с белым вином: нежным, летним и добавляющим нотку терпкости, сложности к этим вкусам.

Макс прошел за нашими спинами, пока я нервно дергалась, пытаюсь одновременно удержать внимание двухсот человек и как-нибудь незаметно оглянуться, пока они все на меня смотрят. Он остановился буквально через стол от меня, сложил руки на груди и медленно, нагло усмехнулся.

– ...Друг от друга этажи муссов, прячущие внутри себя манго и розу, отделяют тонкие прослойки бисквита «пан де жен». Он легкий и спокойный, не перетягивает на себя внимание, только добавляет дополнительную текстуру, подчеркивает сплетение вкусов. Все это очень похоже на Соню: яркая и цельная внутри, мягкая и деликатная снаружи, она таит в себе великолепные сюрпризы, раскрывающиеся только

тем, кто готов прислушаться.

– А жениху не положен свой торт? – вставил реплику Макс, глядя мне прямо в глаза. – С особым вкусом и оттенками суровости.

– Ему я сделаю суровый торт на годовщину свадьбы. – Я мило улыбнулась, но на взгляд ответила таким же прямым взглядом. – Но предлагаю сейчас попробовать торт для Со-ни. Он покрыт тонким слоем белого шоколада и украшен листьями из съедобного золота. Нельзя есть только фигурки жениха и невесты, но вам никто и не даст.

Толпа гостей взорвалась смехом и аплодисментами, я склонила голову и отошла в сторонку.

– Спасибо, – прошептала Соня, обняла меня и тут же вместе с женихом ухватилась за нож. И так же вместе они разрезали мой торт.

Я получила свой кусочек и первым делом проверила, правильно ли разморозились слои, нет ли между ними лишней воды. Замораживались они по очереди, потом я их собирала, склеивая бисквиты между собой белым шоколадом. Но процесс разморозки даже важнее, потому что мусс, желе и конфи делают это с разной скоростью. И нет ничего хуже печального гостя, грызущего ледышку со вкусом манго после того, как он облизал с нее мусс из белого вина.

Но все оказалось идеально. Можно выдохнуть.

Я расслабилась и потому не заметила, как сзади подошел тот самый мачо-женатик-танцевальный бог. Даже и не дума-

да, что ему не хватило того, что я его отшила. Может, ему нравится? Так я еще могу.

– Значит это ты волшебница-кондитер, чьи ручки изготовили все эти сладости? И все сама?

– Конечно, всех остальных кондитеров я съела.

– Незаметно. – Он оглядел меня с головы до ног.

– У меня быстрый метаболизм.

– Неудивительны такие таланты, удивительнее было бы обратное...

Вот тут я насторожилась, и не зря. Сомневаюсь, что он вообще запомнил бы какую-то девушку, с которой просто потанцевал. У него по лицу видно, что из всех людей его интересуется только он сам.

– Я ведь правильно тебя узнал, ты Настя Сне...

Я не нашла ничего умнее, чем сунуть ему в рот ложку с куском торта.

– Заткнись! Меня зовут Ася, ясно?

– Ясно, куда уж яснее... Вкусный торт, кстати. – Он проглотил и подмигнул. – Но, повторюсь, я бы удивился, будь иначе.

Он ушел, оставив меня дрожащей от злости. Я его не помнила, совсем не помнила, но это ничего не значило. Зато он помнил меня.

Отставила тарелку с остатками торта. Не буду же я есть той ложкой, которую облизывал этот...

И поймала взгляд Макса. Он стоял далеко от меня, через

несколько столов, между нами ходили другие гости и возвышался свадебный торт, но этот взгляд оставался горячим даже на таком расстоянии.

Не было сомнений, что он видел наше общение с тем... Черт знает что можно было подумать. Кормила женатого мужика с ложечки, улыбалась...

Я никак не могла понять, что таится в его взгляде. Он был совсем не таким, как в доме. Но что изменилось, я не улавливала.

Совсем стемнело, маленький квартет играл что-то печальное и нежное, и в темноте сада растворялись гости. Кто-то ехал домой, кто-то догуливать в кабаки и в гости друг к другу.

Некоторым жених оплатил гостиницу, и они загружались в длинные лимузины, украшенные лентами и цветами, не забывая захватить пару бутылок шампанского «на дорожку».

Огоньки в саду гасли, будто задуваемые ветром. Мне казалось, что некоторые гости ушли гулять по саду и растворились в темноте.

Я уже давно не видела Макса, и мне было немного грустно, что задорное приключение, так здорово начавшееся, закончилось настолько грустно и невразумительно. Жаль, что я не предвидела неожиданной встречи. Просто расслабилась за последние годы. Да и где, в самом деле, мне пересечься с тусовкой бизнесменов и миллионеров? В метро? На рынке? В рок-клубе?

Честно сказать, я и там-то нечасто бывала. Я в основном проводила время на своей кухне. Туда точно ни один враг не проникнет. Там я хозяйка. Ну еще немного – владелица квартиры, но она меня не тревожила визитами.

Одни курьеры приносили мне продукты, другие – уносили готовые торты, а я была совершенно счастлива, занимаясь любимым делом.

Вот кто знал семь лет назад, что я не финансист, а кондитер? В свои восемнадцать я была уверена, что знаю, чего я хочу. Конечно, я хочу ходить на высоких каблуках в юбке-карандаше по офису Big4, не расставаться с тремя мобильниками и записывать ужины в дорогих ресторанах как представительские расходы. Хотя нет, пусть их так записывают мои спутники.

А потом оказалось, что я люблю вкусы, запахи, эксперименты, алхимию – саму жизнь. Не просто реакция Майяра, разрушающая аминокислоты в белках при нагревании, в результате которой выделяется углекислый газ и коричневый пигмент, а чудо, которое совершается прямо на глазах, когда мясо покрывается золотистой корочкой и начинает умопомрачительно пахнуть. Не денатурация белков при нагреве, а воздушное невесомое безе или блестящая тягучая меренга для крема.

Хотя теорию я знаю отлично – привет, 96 баллов ЕГЭ по химии! – мне намного интереснее обращаться с сахаром, сливками, белками как с ингредиентами для волшеб-

ных эликсиров. Никто не знает, почему слезы дракона и пыльца фей вместе превращаются в летние облака, но разве так не интереснее?

Соня с мужем стояли, обнявшись, у стола, заваленного горами подарков, вручая каждому гостю на прощание коробочку с сюрпризом. Я знаю, что там, потому что половина сюрприза моя: разноцветные печенья-макароны. Вторая половина от жениха: женщинам – чармы для браслетов, мужчинам – брелоки. Специально заказанные уникальные в память об этой свадьбе.

В паузах молодые самозабвенно целовались, иногда не замечая, что гости уже подошли.

Я очень за них рада, но прямо сейчас немного обидно. Как будто мне чего-то не додали. Свадьба была потрясающей, но завтра снова погружаться в работу. А для Сони праздник продолжится.

Говорят, после свадьбы все сказки заканчиваются. Но не когда ты выходишь замуж за миллионера, который любит тебя без памяти и которого любишь ты.

Я немножко завидую и грущу, хотя и понимаю, что конкретно эта сказка – не для меня.

Уютный дом вдали от города, отшельничество, покой... Нет, не мое. Хотя я и нечасто выбираюсь выпить и потанцевать или на модные выставки, но мне нравится жить в Москве почти в центре и ощущать все возможности, которые дает большой город. Пусть я не прыгну в такси в три ча-

са ночи, чтобы добраться на подпольный концерт панк-группы на заброшке, но я в принципе могу! Это меня греет даже больше, чем воспоминания о тех случаях, когда я все-таки прыгала, и зажигала, и возвращалась домой через три дня усталая и счастливая. И с похмельем.

Моя мама такая же как Соня: успокоилась, когда нашла мужчину, играющего для нее в папочку. Правда, мама до этого момента успела неслабо зажечь.

А на меня с детства реагируют всякие извращенцы, а когда подросла, стали клеиться толстопузые папики, которые хотели крошку-малышку.

Только я не умею дуть губки и капризничать, выпрашивая новый телефончик.

Со мной не расслабишься. Если я и умею поддерживать погоду в доме, то исключительно грозовую.

Поэтому я живу одна и совершенно счастлива.

Нечастые романы как-то сами собой сворачиваются через несколько месяцев, потому что я постоянно занята. Порой я вспоминала, что обещала перезвонить бойфренду, когда закончу украшать пирожное, честно перезванивала и выясняла, что это было месяц назад и у него давно другая девушка.

Пробовала даже роман с женатым: у него мало времени, у меня мало времени, все счастливы. Но оказалось, что я должна ждать у окошка и сразу бросать свои дела, когда он является. Бррр, нет.

Я подхватила свой клатч со стола и отправилась прощать-

ся с Соней. Мне, конечно, тут же предложили остаться до утра у них. Но я ж не дура: у людей первая брачная ночь. Вдруг им захочется провести ее не только в спальне? Не уверена, что моя психика готова к такому зрелищу, если я вдруг пойду на кухню за бутербродиком.

Лучше вызову такси. Надо только забрать из кухни мои кондитерские инструменты, которые я брала, чтобы в случае чего поправить торт. Все кондитеры так делают: без шпателя, баночки глазури, конвертика с кремом и баллончика с шоколадным велюром мы из дома не выходим.

Но у ворот меня окликнули:

– Эй, малиновая зефирка!

Я завертела головой, и тут же была сцапана загорелыми руками.

– Тебя когда-нибудь похищали с целью держать в сексуальном рабстве? – знакомо прошептали мне на ухо.

А он умеет задавать правильные вопросы!

Макс просто взял и перенес меня метров на двадцать в сторону к алой «бэхе». Открыл дверцу и сделал приглашающий жест:

– Выбирай: сама залезаешь на переднее сиденье и пристегиваешься, и за это едешь с открытыми окнами – любишь-ся ночным городом и подпеваешь радио. Или я тебя сейчас свяжу и брошу на заднее, а там темно, скучно и липко, потому что недавно разбил бутылку с имбирным сиропом и все никак не соберусь почистить.

– Чем ты меня свяжешь? – Я дерзко смерила его взглядом. – У тебя даже галстука нет.

Он поднял брови и внимательно изучил мое лицо, как будто сомневался, что эти слова сказала именно я. Потом прижал к себе покрепче, чтобы не сбежала, и обратился к проходящему мимо мужчине в костюме:

– Эй, друг. Прости, тебе галстук очень дорог?

– А что такое? – настороженно спросил тот.

– Да вот девушку похищаю, связать нечем.

– А... – Мужик стянул с себя темно-бордовый шелковый галстук. – Держи. Это будет самое веселое его приключение после всех собраний, на которых он побывал. Не забудьте испортить его пролитым шампанским.

– Спасибо, друг, – Макс прижал руку к сердцу. – Могу потом даже фотографии его приключений прислать.

– Если девушка не будет против, – покосился тот на меня. Но потом покачал головой: – А хотя нет. Не хочу завидовать собственному галстуку.

Макс только ухмыльнулся, поставил меня перед собой и предложил:

– Ну что? Руки! Спорим, тебя никогда еще не связывали галстуком от Валентино? Будешь внукам хвастаться.

– Дай подумать... Висконти связывали, Бриони связывали, даже Армани связывали, а Валентино еще нет.

– Вот, буду у тебя первым.

Я демонстративно фыркнула.

– Вот стерва, – восхитился Макс.

– Нет уж, поеду на переднем! – Я ткнула в него пальцем. – Так ты не сможешь от меня сбежать, как в кладовке!

– Я передумал. На переднем поедешь только при условии, что задерешь ноги на приборную панель. Так я получу полное удовольствие.

– А я переломы всей Асенки и коленные чашечки между ребрами, когда ты отвлечешься на мои восхитительные лодыжки и вмажешься в столб?

– Я так и думал, что идея с галстуком тебе понравится больше, – ухмыльнулся он нахально и двумя руками растянул галстук как гарроту.

– Особенно она понравится полиции, когда она увидит у тебя на заднем сиденье связанную девушку. Я молчать не буду!

– Попросим еще галстук для кляпа? Что на этот раз предпочтешь? Эрме?

– С кляпом будет еще нагляднее.

– Ладно, уговорила на багажник.

– Ты свою машину видел? Там только мешок картошки возить.

– Да ты небось легче того мешка! И компактнее.

– То, что я могу поместиться в чемодан, еще не повод меня туда запихивать!

Макс вздохнул, закатил глаза и сказал:

– Я понял. У меня есть только одно средство тебя убедить.

Он накинул на себя многострадальный галстук, положил руку мне на талию, а вторую – сзади на шею и притянул к себе, вовлекая в поцелуй.

Одно соприкосновение языков – и по всему телу стали загораться лампочки, вновь включая зудящее напряжение, ожидание прикосновений и сверхчувствительность кожи.

Я и так собиралась с ним поехать, но теперь он просто не оставил мне выбора.

Оргазм – это хорошо, это вкусно, но один даже крышесносный оргазм за мои целые дни работы и затворничества – мне мало!

Не хочу, чтобы праздник заканчивался.

А Макс дарил обещание продолжения, да такого, что нам позавидуют все, кто сегодня мечтал добраться до ближайшего укромного уголка.

Пусть праздник продолжается, пусть!

Макс провел кончиками пальцев по шее сзади, запустил руку в мои волосы на затылке, и я почти застонала, настолько в тему была эта совершенно невинная ласка.

– Ну что, теперь поедешь со мной безропотно?

– Ропотно, но поеду.

– И задерешь ноги на приборную панель?

– Как скажешь, – прошептала я ему в губы.

– И раздвинешь бедра, когда я захочу приласкать тебя?

– Раздвину...

– И стянешь трусики до колен и поднимешь платье?

– Нет. – Я отстранилась и скорчила рожицу. – Этого не смогу.

– Почему? – опешил он, уже почти загнавший меня в транс своим мурлыкающим тоном.

– Потому что на мне нет трусиков!

Я расхохоталась, а он схватил меня в охапку и буквально затолкал на переднее сиденье машины. Пышная юбка в одном месте помялась, в другом задралась, и я получила шанс почувствовать себя очень растрепанным букетом в хрустящей обертке. Но кое-как нащупала ремень и застегнулась и, пока Макс обходил машину и садился, даже нашла, как пристроить юбку, чтобы видеть окружающий мир.

Машина заурчала, Макс взялся за руль и повернулся ко мне:

– Ноги!

Я демонстративно вытянула одну ногу, потом другую и... сложила их Максу на колени. Острые шпильки моих босоножек при этом нещадно царапали водительскую дверцу, но он как-то не обратил внимание. Слишком был занят разглядыванием разрекламированных мной лодыжек.

Каким-то невероятно сексуальным жестом он обнял ладонью мою щиколотку и повел руку вверх, скользя по гладкой коже. За его рукой словно следовал лесной пожар, мгновенно зажигая все мои нервы. Я замороженно смотрела за ее продвижением, не замечая, что склоняюсь все сильнее и сильнее, и останавливает меня только ремень безопасности.

Мы сошлись где-то на середине, когда он перевалил за колено и натянутые мышцы на внутренней стороне бедра уже начали подрагивать в предвкушении.

Я поймала его губы и наконец сделала то, что собиралась с самого начала, – прикусила их. Нет, сок не брызнул, но в ответ Макс притянул меня к себе, жестко обняв ладонью шею и начал целовать, хаотично и жадно, будто разом сойдя с ума. Его напор заставил меня потерять голову настолько, что я уже тянулась к замку ремня, забыв о том, что мы стоим у главных ворот, откуда все разъезжаются.

– Нет, я слишком тебя хочу, чтобы трахаться в машине! – Он остановился, тяжело дыша. У него даже зрачки пульсировали в такт дыханию. – Я хочу тебя вертеть во всех позах и делать это несколько часов как минимум. Так что пристегнись обратно, и, так и быть, можешь сложить свои ноги на место.

– А трусики надо надеть? – невинно спросила я. – Прямо тут, ты согласишься?

Он зарычал, прикусил мою нижнюю губу и оттолкнул, схватившись за руль.

Кокосовое масло

Я едва ли заметила, где Макс живет. Огненно-красная «бэха» пролетела по ночным улицам, пылая от наших эмоций, с визгом затормозила у дома, и Макс потащил меня в свою квартиру на первом этаже так быстро, будто мы только что воровали яблоки у соседей и теперь мчались домой под лай собак.

Но как только за нами захлопнулась входная дверь, вдруг стало тихо. Пока Макс возился с дверью, я проскочила в комнату и замерла, разглядывая специфический интерьер.

Мебели там почти не было. Только картонные коробки, составленные одна на другую, из которых свисала одежда. И вместо стола тоже были они.

На окне – плотные светонепроницаемые шторы. Свет проникал только из прихожей.

А вот на низкую кровать с высоким матрасом хозяин явно не поскупился. Она застелена черным бельем, а рядом, на коробке, изображающей тумбочку...

Мои глаза округляются.

Там стоят толстые темно-красные свечи, валяются вперемишку презервативы разных марок, тюбики лубриканта, маска на глаза – я очень хочу верить, что она для сна, но зачем тогда плотные шторы? – темные пузырьки и еще... игрушки? Я не успеваю опознать ничего из того, что там лежит,

потому что Макс проходит в комнату и смахивает большую часть в открытую коробку по соседству.

И тут же делает вид, что ничего не было. Чиркает спичками, зажигает эти свечи, поворачивается ко мне:

– Тебе помочь с платьем? – В его темных глазах пляшут огненные язычки.

– Что?

– Ты же хочешь в душ? Помочь с платьем?

Он прав, я не смогу выпутаться из него самостоятельно.

Но...

Я поворачиваюсь спиной, он гладит мою шею, и на кончиках его пальцев – огонь. Он расстегивает крючки, стоя позади меня, и я чувствую, как его дыхание становится все тяжелее и быстрее.

Я и сама дышу глубже и чаще. Хорошо, что платье расходится, выпуская мою грудь на волю, иначе я бы точно упала в обморок, как девица восемнадцатого века в тугом корсете.

Голова и так кружится от запаха свечей и близости Макса.

– Душ, – указывает он, – там.

– А ты не будешь подсматривать? – почему-то спрашиваю я.

– Пока не заслужила, – ухмыляется он.

Я скидываю свою шуршащую упаковку прямо на пол ванной, залезаю под горячую воду, и меня неуклонно начинает тянуть в сон.

Слишком много событий, внимания, работы, празднова-

ния, танцев, поцелуев, шампанского... даже зажигательный мужчина, ждущий за дверью, не может меня взбудорить.

Я заворачиваюсь в пушистое белое полотенце, пахнущее весной, и выхожу к нему. Макс еще одет – и это странно. Он щелкает меня по носу и говорит:

– Я быстро.

Может быть, он и вправду быстро, но я только на минутку ложусь на кровать, и мои глаза закрываются...

...закрываются...

...

...

В толще сна не понять, что происходит.

Мне просто становится очень тепло и хорошо.

...растворяюсь в качающихся волнах горячего моря...

Такое оно плотное и теплое, как было только Мертвое море в Израиле, куда мы ездили с родителями в честь моего поступления.

Последнее лето перед тем, как все разрушилось... Помню, как постепенно, с утра, все сильнее нагревалась плотная маслянистая вода: сначала была просто теплой, потом почти не чувствовалась разницы между кожей и соленым морем, а потом все вокруг превращалось в горячее соленое масло и нигде не было спасения, только бесконечное тепло и плотные волны, лижущие кожу, пока она не становится гладкой-гладкой.

Хочу остаться в этом лете, в этом добром ласкающем теп-

ле, не возвращаться, не погружаться во взрослый мир, с которым я не справилась...

Но волны, сначала оглаживавшие меня со всех сторон, разминавшие кожу на ногах и руках, качающие нежно и уверенно, сильно и ласково, все чаще начинают касаться груди. Это неловко, потому что от их прикосновений твердеют соски, и их наверняка видно через купальник всем окружающим.

Прикрываю грудь ладонями, но волны раскачиваются все сильнее, отталкивают мои руки. И под водой чувствуется движение: меня касаются огромные рыбины, скользящие под тугой пленкой, натянутой на поверхности воды. Откуда они тут? Мертвое море – неспроста мертвое...

Одна из рыбин тычется мне между ног, прямо в глубину, хочет забраться внутрь меня.

Выплываю из сморившего меня сна медленно – в полумрак и тусклый свет свечей. Огоньки спрятались за полупрозрачными темно-красными стенками и светят оттуда неярко и утомленно. Меня гладят сильные руки, твердые пальцы с мозолями на них слегка царапают – и это придает реальность происходящему.

Я давно лежу голая на развернутом полотенце и рядом со мной... Макс.

Я вспомнила.

Незнакомец с правильными вопросами.

Он тоже обнажен, он склоняется надо мной, размазывая

по коже горячее кокосовое масло, разминает плечи, обводит по спирали груди, и меня то и дело касается его напряженный покачивающийся член.

А мне-то снилось, что это рыбки!

Макс делает мне массаж, масло стекает по коже и пахнет знойно и томно.

Тропиками, невыносимой густой жарой. Кокосами, океаном, солнцем и ванилью.

Его запах забивает все рецепторы, и я будто плаваю в этом масле в слишком теплой воде, ничего не вижу и не чувствую, кроме красноватых отсветов и умелых сильных рук. Они как будто не знают, что человеческое тело делится на запретные и дозволенные места. Путешествуют, где им вздумается, ни на мгновение не давая мне привыкнуть к происходящему. Только их шершавость не дает мне окончательно соскользнуть в бездумную негу.

Пальцы разминают спину, но не слишком сильно. Переходят ниже – и оглаживают талию, ниже – и попу, еще ниже – и бедра...

Они не делают ничего особенного и касаются интимных мест так же умело, как и к рукам или спине, не выделяя их какими-то особенными движениями. Все решает только моя реакция.

Когда руки касаются внутренней стороны бедра, я вздрагиваю, и дрожь пробегает по всему телу.

Они раздвигают ягодицы – масло льется в ложбинку меж-

ду ними, щекочет, стекая вниз – это ведь не сам Макс так бесстыдно меня трогает, это просто масло?

Тогда почему я дрожу?

И руки продолжают путешествие по моему телу: колени, лодыжки, ступни – немного щекотно.

Макс переворачивает меня быстро и ловко, как блинчик на сковородке, и начинает движение обратно. Щиколотки-голени-колени... Он еще только гладит кожу бедра, а я уже заранее напрягаюсь и думаю, что будет, когда дело дойдет до лобка? Как далеко он продвинет свои пальцы, не захочет ли помассировать меня со всех сторон?..

Но пальцы быстро проскакивают спорное место, вызывая легкий вздох разочарования, перебираются на живот. Я втягиваю его: слишком чувствительное место. Но они и тут не задерживаются.

Мы почему-то притворяемся, что здесь ничего не происходит, просто массаж.

Не заказанный.

И массажист, и клиентка голые.

Но просто массаж.

Макс отстраненно мнет мою грудь, будто бы глядя в сторону, только подрагивающий член выдает его чувства: он вздергивается с каждым грубоватым движением.

Вот только тут на секунду Макс выходит из роли и зажимает соски между пальцами – указательным и средним, оттягивает их. Всасывает воздух сквозь стиснутые зубы, а его

член практически прижимается к животу.

Сделай так еще, ну сделай!

Мне нравится видеть, что тебе это нравится почти так же, как мне.

Но он снова бесстрастен и продолжает гладить меня длинными уверенными движениями, от плеч и дальше, обводя пальцами грудь, неизменно защипывая соски – и они уже ждут этой ласки, требуют ее.

Его руки скользкие от масла, теплые и очень-очень умелые. Он каждую секунду знает, что делает. Смущает только этот самый покачивающийся над головой член, но я слишком расслаблена, чтобы что-то с этим делать.

Горячий туман кружит голову, слизывает все мысли, растворяет сомнения.

Даже когда Макс укладывает меня к себе на колени и его член начинает настырно тереться о мою щеку, я не напрягаюсь. Его хозяин совершенно ничего с этим не делает, не обращает внимания, только нежно и сильно проводит пальцами по моим ребрам – а я так растеклась, что даже не чувствую щекотки, только очень-очень нежные касания.

Одна рука доходит до низа моего живота, Макс наклоняется, чтобы чуть развести мои бедра, и совершенно естественно влажная блестящая головка члена тычется мне в губы.

Я просто приоткрываю их и хочу попробовать, какой он на вкус, этот коварный мужчина. И ровно в этот момент его

пальцы раздвигают мои складочки между ног и проскальзывают одним слитным движением по всей длине промежности.

– Ааааахххх... – вот все, что я могу выдохнуть и выразить в этот момент.

Среди горячего воздуха, горячих касаний, горячего дыхания, движение это сверху вниз и дальше – еще горячее, словно масло кипит под его пальцами. Кожа горит, и все остальное тоже горит. И то, как его пальцы ложатся сверху и чуть-чуть массируют накрывающую клитор кожу, поддразнивая, распаяя, – мне мало. Мне хочется еще. Я поднимаю бедра навстречу, но пальцы всегда ускользают и делают только то, что сами хотят.

Подушечки царапают нежную плоть, и я вся сжимаюсь внутри. Всхлипываю:

– Макс... – я снова готова его умолять, но у меня нет на это сил, нет слов, они растаяли в горячем полумраке. Но он понимает. Он ведь понимает? Потому что он чуть грубовато, как с грудью, начинает теревить мой клитор – быстро, слишком быстро и остро загоняя меня в предоргазменное состояние, а потом резко вставляет скользкие пальцы внутрь меня.

– Аааааааа!.. – осипшим полупшепотом, длинным выдохом. – Ммммм... – жарким томлением, расплавленными связками.

И пальцы убегают. Но о мои губы начинает тереться член. В том же ритме, что движется рука, накрывающая целиком

низ моего живота. И вот теперь до меня доходит.

Я обхватываю головку губами, обнимаю ее рукой, и в благодарность за это получаю долгий выдох Макса где-то надо мной и еще немного нарастающей невыносимости между ног.

Он то засовывает в меня два пальца и быстро-быстро двигает ими, потирая местечко внутри лона, где рождается захватывающее дух ощущение, то вынимает их и трет клитор, беспорядочно и хаотично, но мне в тему этот хаос, я сама сумбурно и жадно облизываю его член, смыкаю губы...

Он оставляет всего один палец, и тот на клиторе, и движения становятся нежными и четкими, ведущими к той самой цели.

К тому, что я начинаю хныкать и резко дышать.

Выпускаю изо рта член, мне не до него, я хочу сосредоточиться на своих ощущениях, догнать свой оргазм, поймать за хвост, но мне не хватает какой-то мелочи, и он убегает, убегает, и, кажется, сейчас убежит совсем. Я тянусь рукой куда-то вверх, где есть мое божество, что управляет этой сладкой пыткой, и это моя беззвучная просьба, кажется, добирается до него.

Он снова вставляет в меня пальцы, резко и быстро, двигает ими жестче и настойчивей, чем раньше, и я даже не успеваю поймать за хвост ускользающее удовольствие, потому что оно накатывает с другой стороны, неожиданно и бурно, будто внутри меня прорывается пузырь с горячим маслом.

Оно заливает меня, заливает запахами тропиков, горячим солнцем, закутывает в шелковую и бархатную красноватую тьму и лишь спустя много-много мгновений, бесконечных, как вселенная, выталкивает на берег и откатывается назад.

– Боже... – мне кажется, я это говорю, но на самом деле я могу только стонать, так долго, так глубоко, так медленно я растворилась в этих волнах. Мне так блаженно и невесомо, что я забываю обо всем. Я потягиваюсь: распрямление каждой мышцы – отдельное удовольствие...

Сонный разомлевший покой уносит меня с собой, покачивая на теплых волнах.

И уже сквозь неумолимый сон я слышу, как Макс вздыхает, гладит меня кончиками пальцев по груди, я что-то бормочу, он хмыкает:

– Опять объегорила...

Возится где-то там и устраивается позади меня, обняв меня загорелыми руками и уперевшись каменным стояком в поясницу.

Я проснулась от того, что меня кто-то задел. Открыла глаза – была совершеннейшая темнота. Я потерла руками лицо, повернулась и только тогда увидела Макса. Он сидел на краю кровати и застегивал рубашку, подсвечивая себе экраном телефона.

– Включи свет, что ты как этот...

Макс щелкнул выключателем, и на ближайшей коробке тихонько засветился шар в виде Луны. Едва-едва, как ноч-

ник, но его не надо было постоянно теребить, как телефон, чтобы не выключался.

– Спи, еще рано, – сказал Макс, впрыгивая в брюки и таким лихим движением застегивая ремень, что между ног у меня заняли отголоски ночных удовольствий.

Он нагнулся и поцеловал меня в лоб. Я закуталась в простыню – хотя что он там не видел? Макс усмехнулся краем губ, выудил из очередной коробки блестящие часы и застегнул на запястье. Я сделала стойку: у меня фетиш на часы! Но посмотреть мне не дали – он взъерошил свои волосы, быстро глянув на свое отражение в темном экране смартфона, накинул пиджак, скрыв предмет моего вожделения.

Снова сел на край кровати, надевая носки и ботинки.

– Я скоро вернусь. У меня дел часа на два, на три максимум. Можешь пока поспать. Но чтобы никуда не уходила, поняла? Ты моя сексуальная рабыня, и ух, что я с тобой сделаю за два подряд облома!

Я даже не успела представить себе это ух, как он нагнулся, сгребая меня прямо в простыне, через нее больно сжал грудь, ворвался языком в рот и жадно поцеловал, словно клеймо поставил. Будто я теперь и впрямь его сексуальная рабыня.

Откинул на подушки, сорвал простыню и таким же жадным взглядом окинул мое тело.

А потом резко втянул воздух носом и вышел.

Через пару секунд хлопнула входная дверь.

Вот так взял и бросил незнакомую девушку у себя дома. Смелый парень.

Я потянулась, разводя колени и сладко вспоминая то, что было вчера. Моя кожа все еще пахла впитавшимся за ночь кокосовым маслом и на ощупь была невероятно шелковой. Вот как можно бросить такую девушку голую в собственной постели? Я сама себя хотела.

Мои пальцы пробежались по памятным местам – где вчера были его. Дотронулись до спящего пока клитора – тело прострелили сладкие отголоски наслаждения.

А потом подскочила, кое-как втиснулась в желтое платье, сикось-накось застегнув крючки на спине, впрыгнула в боножки, не застегивая, и подхватила клатч. Телефон впервые в своей жизни выдержал больше суток без зарядки – вот что значит девушке есть чем заняться, кроме твиттера. Ближайшая машина Убера была в двух минутах, как раз хватило, чтобы выскочить из чужой квартиры, захлопнув за собой дверь и даже не посмотреть на адрес.

Дома встала под очень горячий душ и почувствовала, как тело, замороженное работой, забытыми обедами, отсутствием свежего воздуха и физической активности, просто ожило и потребовало немедленно потратить куда-нибудь энергию.

Потратишь, куда ты денешься. У нас сегодня заказ на двести шоколадных капкейков.

Работать!

Шоколадные капкейки

Капкейки – это просто. Я даже не знаю, что еще проще. Чизкейк? Шоколадный бисквит? Можно заниматься ими и одновременно думать о чем-нибудь еще.

Да, после месяца кулинарных извращений, изысканных десертов, сложных вкусов и упрощенных их версий для гостей, после всех моих снобских комментариев и рассуждений о тонкости вкусов, я буду делать двести очень шоколадных, очень-очень шоколадных, крайне шоколадных мягких рассыпчатых капкейков со сливочным сладким кремом. Потому что это день рождения сына моей первой клиентки.

Когда-то она первая увидела во мне будущую кулинарную звезду свадеб миллионеров. Разглядела в корявых тортах, сфотографированных ночью на уют и размещенных в Инстаграме.

Я тогда умела невероятно мало: дрожащими руками делала тяжелые влажные бисквиты, прослаивала их базовым кремом и выравнивала тем же кремом до идеальной гладкости. Украшала розами из масла, и только вежливость не давала людям сказать, на что эти розы похожи.

До мастики я не скатывалась даже тогда. Потому что никак не могла взять в толк, зачем нужен слой, который никто не будет есть? А весит он столько же, сколько весь остальной торт. Коллеги-кондитеры по-доброму мне объясняли,

что цена торта выставляется по весу, а мастика состоит по большей части из сахарной пудры, она дешевая и тяжелая. Единственная проблема – надо уметь лепить все эти машинки, грибочки, птичек и прочих смешариков и миньонов.

Ух как мы ругались, только шорох стоял! Ну да, у меня руки кривые и растут не из плеч. Мой максимум – розочки из крема. Но я чисто эстетически не понимала, почему тогда просто не накрыть торт крышкой с пластиковыми игрушками на ней. Смысл один и тот же.

А потом ко мне в личку пришла эта клиентка и сказала, что сама думала, что с ней что-то не так, раз она не понимает прелести несъедобных тортов. И предложила мне ее удивить.

Я задумалась, загуглилась и не спала три дня.

А потом решила, что мне все равно нечего терять.

И сделала морковный торт. Знатоков им, конечно, не удивить: ну да, тертая морковь в бисквите, миндальная мука и своеобразный вкус. Увы фитоняшкам – торт совсем не по ЗОЖ, несмотря на морковку.

Но вот тягучая сливочная карамель вместо банального крема, курд из красных апельсинов, кисловатый, с крошечной ноткой горечи йогуртовый крем, которым я все-таки выровняла верх и бока, – и уже из чистого хулиганства прилепила декоративную морковку из марципана! – столкновение с разнообразием вкусов, а не разнообразием ароматизаторов ее и правда удивило.

Она не только написала обо мне в своем блоге и сделала

потрясающие фотографии, на которых мой неуклюжий торт выглядел как звезда фудпорно, но и сама взялась вести мой Инстаграм, пока я не раскручусь.

Взамен я обещала ей всегда свободное время для любых заказов. Даже для таких, какие мне теперь поперек сердца.

Мне было физически больно сыпать в чашу миксера сто – сто, сто! – грамм сахара на одно несчастное яйцо.

Пока они взбивались в пышную пену, я растопила сливочное масло в микроволновке.

Как оно пахло! Не понимаю, почему никто не делает духи с запахом сливочного масла? Есть же карамель и пирожные и даже запах кожаного седла, а вот этот теплый запах уюта, достатка, теплой мамы, обещания вечности – его нет.

К сожалению, дальше его надо смешивать с кефиром, запах которого я не люблю так же сильно, как люблю масло. Можно сказать, это противоположные запахи.

Меня в детстве пытались отдавать в детский сад, и после бабушкиного дома в деревне, где этого кефира не было никогда, его запах был для меня символом одиночества и ненужности. «Проходи, Настенька, в группу, на завтрак у нас печенье и кефир». Фуууу.

Странно, но гороховый суп я при этом люблю, хотя все остальное время в саду пахло именно им.

Ладно, переходим к сухим ингредиентам.

Магия и секреты кулинарии иногда прячутся в очень простых вещах.

Точная дозировка.

Точная температура.

Очень качественные продукты.

Нельзя «утилизировать» невкусное и испортившееся в выпечку.

Из прокисших сливок получится прокисший крем, а если пропитать невкусным ликером бисквит, получится невкусный бисквит.

Но этому я научилась еще у бабушки: после деревни есть творог и сыр из магазина было невозможно. Я чувствовала любой посторонний запах и могла точно назвать день, когда на производство заходила какая-нибудь комиссия, пахнущая одеколонами.

Для того чтобы понять, как важна температура, мне хватило двух неудачных попыток сделать «Птичье молоко».

А для точных дозровок я даже купила ювелирные весы на Алиэкспресс.

Забавно было, когда я забрала их с почты и пошла погулять в парке. Там меня остановил наряд полиции и попросил открыть сумку и показать документы.

Увидев весы, они крайне возбудились: требовали показать всю галерею фотографий, обшарили в сумке даже те кармашки, про которые я забыла и вывернули карманы в моих джинсах. Я честно говорила, что кондитер и буду взвешивать только дрожжи и пекарский порошок.

«Ага, конечно». Они оглядывали сверху донизу. Тогда

во мне было вообще тридцать семь килограмм. И большая часть – в мешках под глазами. Видимо, такая фигура кондитерам была не положена. А вот наркоманкам – да!

С тех пор я всегда хихикаю, когда отмеряю на этих весах пять грамм разрыхлителя или пятнадцать грамм какао. Мой секрет в том, что я делаю совершенно наркоманские десерты. Но каждый ингредиент в них абсолютно законен!

Теперь мука – и перемешать. Очень быстро, очень легко, не усердствуя.

Никаким не миксером, не дай боже. Нельзя, чтобы тесто уплотнилось. Оно отлично будет держать форму в бумажных формочках. А в руках должно распадаться на хлопья. Нежные и невыносимо шоколадные.

Дети, впрочем, все равно будут ими швыряться, но я иначе уже не могу.

Я быстро отсадила тесто из кондитерского мешочка в формочки, засунула в духовку и пошла на подоконник курить. Новую порцию теста сделаю, когда испечется эта. От долгого стояния оно уплотняется, это идет на пользу только пряникам.

У меня в запасе целая стопка коробок с круглыми прорезами для кексиков, много-много кефира и масла, целый длинный день и чуть-чуть печальных мыслей. Идеальное состояние, чтобы в шесть-восемь приемов доделать заказ и отдать клиентке.

Только мысли останутся со мной.

Я пытаюсь убедить себя, что печалюсь из-за запаха кефира. С моим обонянием я имею право на любые взаимоотношения с запахами, даже впасть в хандру на целый день после встречи с нелюбимыми. Сейчас немного погрущу, пока печется первая партия, а потом курить будет уже нельзя, иначе капкейки заберут себе запах табачного дыма.

Но на самом деле мне очень грустно, потому что я... ску чаю по Максy. Для гордой и независимой я слишком быстро привязываюсь. Прямо как девочка из детдома, которая готова хвататься за всякого: будешь моей мамой?

Никто не будет моей мамой, я точно знаю.

Но надо было с ним нормально переспать.

Это во мне недотрах говорит.

И то, что я реву, – это тоже он.

Но я снова завидую Сонечке, которая сегодня утром проснулась женой самого любимого своего мужчины, и теперь перед ней весь огромный теплый мир. А у меня пол часа, пока пекутся капкейки, и весь день сегодня в запахе шоколада и сливок.

Это тоже запах дома. Дома моего отчима. Куда меня принесли и начали воспитывать так, будто я его дочь. Но было уже поздно. Я была уже ничья дочь.

Сейчас я будто ворую у него этот запах. Присваиваю его себе.

Почти пять лет прошло, а шоколад для меня все еще угнетение, бунт и свобода одновременно.

Я открыла окно и выбросила окурок прямо на улицу.

Засигналила машина, я вздернула голову, недоверчиво, но уже все понимая, потому что так нагло сигналить мог только один... одна... невыносимо яркая в солнечном свете алая «бэха».

Я выскочила из дома так быстро, что показалось – выпрыгнула из окна.

Макс поймал меня в объятия, словно и правда вынул из воздуха, и закружил, одновременно целуя.

Мы почему-то оба улыбались как ненормальные. Как будто не виделись тысячу лет, встретились после долгой разлуки, чтобы никогда не расставаться.

Очень тяжело целоваться и смеяться в одно и то же время.

Глядя на нас, улыбались все прохожие.

Первый день лета! Это все он виноват.

– Ты плохо прячешься, сахарная фея, – упрекнул Макс в перерыве между двумя такими разными поцелуями – невесомым в веки и глубоким, с языком, засунутым в горло. – Мне совсем не пришлось тебя искать. Я рассчитывал, что ты загадаешь мне загадку хотя бы того уровня, что и я тебе.

– Я ее легко разгадала.

– Ты читила. А я пошел самым простым путем, позвонил твоей Соне и сразу получил адрес.

– Сразу?

– Ну ладно, не сразу, пришлось сначала подключить ее мужа, чтобы он за меня поручился. Но два шага – это несес-

ррезно.

Я терлась об него как кошка, и как кошка в течке, хотела этого самца прямо сейчас! Он приподнял меня и прижал к себе сильнее, чтобы я почувствовала, что он тоже очень даже готов. Немедленно.

– Будешь наказана за то, что сбежала... – хрипло прошептал Макс, пытаясь мурлыкать, но его голос срывался, а кожа буквально полыхала.

– Пойдем ко мне... – тоже прошептала я.

А то соседи уже семечки принесли и стулья поудобнее к окнам подставили.

– Наконец-то потрахаемся? – хмыкнул он. – Или опять продинамишь?

– Наконец-то я выну из духовки сгоревшие капкейки! – Я потащила его за собой. В подъезде уже чувствовался запах горелого.

Конечно, то, что я вытащила из духовки, уже было совершенно не похоже на мягкие, рассыпающиеся кексы. В принципе, если срезать горелые части, то пошло бы на посыпку к какому-нибудь другому тарту, но я решительно высыпала в мусор жертв нашей с Максом внезапной встречи.

– Оу. Оу. Оу. – Он с любопытством осматривал тот первобытный хаос, в который обращалась кухня, когда я готовила. Черт знает почему я, идеальная аккуратистка в других областях, когда готовила, становилась воплощением бардака.

– Так я допущен в главную лабораторию, где создаются

твои колдовские зелья.

Я снова повторила все действия: яйца-сахар-миксер-кефир-разрыхлитель-какао-мука, перемешать-отсадить-духовка – только в пять раз быстрее и не задумываясь о запахах кефира, шоколада и горохового супа.

– Да! И у меня заказ на двести волшебных кексиков, которые превращают детей в гремлинов!

– Я однажды в Амстердаме съел кексик и до-о-олго был гремлином. Ты уверена, что это законно?

– Я уверена, что у тебя есть двадцать пять минут, пока они пекутся.

Что тут можно успеть?

– Опять ты мне не даешь оттрахать тебя от души. Условия, загадки, препятствия, долбаный квест!

– Ты первый начал. – Я судорожно расстегивала ремень на его джинсах, он так же стремительно поддел мой топик и стянул его через голову.

Не удержался и приник к соскам с таким стоном, словно много часов мечтал только об этом. Я вздрогнула и выгнулась, опираясь руками на плиту позади меня.

Он обвел языком сначала один сосок, потом другой, сомкнул губы, теребя самый кончик языком. Мне показалось что кто-то провел прямую магистраль из нервов толщиной с канат от сосков прямо к клитору. Потому что эти тревожащие ласки моментально отдавались между ног сладким трепетанием, похожим на касания крыльев бабочки.

Я нащупала молнию на его джинсах, потянула ее вниз, уже упираясь пальчиками в напряженную пружинящую плоть под ней. Провела рукой через ткань трусов.

Макс резко вздохнул и выпрямился, накрывая мой рот своим.

Его руки огладили мои бедра, перешли на талию, пальцы поддели тонкую ткань домашних обтягивающих шортиков и потянули ее вниз.

Я свела бедра:

– Что, прямо тут? – Я смотрела в его бесстыжие темные глаза.

– Нам же нужно следить за твоими печеньками... – он развернул меня спиной к себе и освобожденный член начал тереться об меня сзади, а Макс все наглее вжимался в меня. Мне приходилось сильнее упираться в плиту руками и оттопыривать задницу, чтобы не коснуться горячей дверцы духовки.

Стремительно прошуршал презерватив: похоже, у сударя было много тренировок!

– Держись крепче, сахарная фея... Если я сейчас тебя не трахну, и нам в очередной раз помешают твои выкрутасы, я просто взорвусь!

Он приспустил мои обтягивающие пижамные шортики, под которые и не предполагалось надевать белья. Можно подумать, я его ждала.

Если бы я его ждала, я бы вообще не стала одеваться, и

соседи получили бы полное удовольствие у своих окон!

Приподнялась на цыпочки, выгнула спину, нетерпеливо вертя задницей, и он вдвинул в меня член с протяжным:

– Бляяяяааааа... .

Я закусила губы, чтобы тоже не заорать от наполнившего меня ощущения его плоти, его живой и мощной силы, с которой он начал двигаться, с размаху ударяясь в мои бедра. Резко и быстро, наполняя собой, утоляя первую жажду, самое острое иссушающее чувство нужды, родившееся в темной кладовке под шепот о сексе с незнакомцем.

Может быть, у него родилось и раньше. Я же не знаю, почему он пошел за мной.

Но больше суток лихорадка только распалаялась, не затухая от оргазмов от его языка и пальцев, напротив – это было как тушить бензином костер.

А сейчас – да, спасибо, что выплеснули в него стакан воды...

Макс прижимал меня к себе. Одна его рука мяла мою грудь, то и дело пропуская между двумя пальцами соски, другая лежала на лобке, вдавливая меня в его пах так плотно, что резкие движения будто протыкали меня насквозь.

– Если я сейчас кончу, это будет самое бездарное бесконечное время ожидания в мире, – вдруг прохрипел он, выходя из меня.

– Чтоааааа? – Я даже оглянулась, чтобы убедиться, что ощущения меня не обманывают.

Макс прижал меня спиной к себе, медленно и долго выдыхая. Уткнулся мне в шею, накрыл губами и прошелся там языком по кругу, а потом засосал кусочек кожи, оставляя фиолетовую метку.

– Эй, ты что? – Я попыталась вывернуть голову, чтобы ее увидеть. – Ты совсем, что ли? Мне засосы со школы никто не ставил.

– Это будет твое наказание... – его грудь ходила ходуном, член по-прежнему стоял, но он переждал паузу. – У тебя есть кто-нибудь, кому нельзя их показывать?

– Нет...

– Тогда готовься...

Он захватил меня с собой, отходя к застеленной кровати. В студии что удобно – все близко. Где спишь, там и работаешь... И трахаешься тоже.

Он выпустил меня на три секунды – ровно, чтобы стянуть с себя джинсы и футболку с рубашкой, а потом устроился полусидя на моей разобранной кровати, прислонившись к стене. Меня он бесцеремонно подтащил поближе, заодно окончательно стаскивая шортики.

– Иди сюда... – он притянул меня, но остановил, не дав прислониться. – Стой.

Его ладони с растопыренными пальцами накрыли мою грудь, грубо стиснули, и Макс снова втянул воздух сквозь сжатые зубы.

Я поставила колени по обе стороны от его бедер над бое-

вито торчащим членом, ничуть не утратившим свой задор.

– Насаживайся.

Я расставила ноги шире и начала опускаться, глядя прямо в его глаза с расширившимися зрачками, занявшими почти всю радужку. Когда головка члена коснулась входа в меня, он притянул меня к себе, заставляя лечь ему на грудь.

Дотронулся до шеи языком и повел влажную горячую дорожку, одновременно контролируя скорость, с которой я выпускала его в себя. Когда он вошел до конца и уперся внутри, вызвав у меня короткий тяжелый стон, Макс сжал зубы, оставляя на коже полукруглую отметину.

– Ты еще и укусы будешь оставлять?

Я поерзала, привыкая к ощущению заполненности внутри, и оперлась ладонями на его грудь. Он лежал подо мной такой вальяжный, красивый как бог, с растрепанными выгоревшими волосами – я и не помнила, когда последний раз была в постели с таким красавчиком.

– Я бы тебе и маячок вживил, и ошейник надел с коротким поводком, чтобы не сбежала.

– Разве тебе не понравилось меня ловить?

Он прошелся взглядом по моему телу так нагло, что захотелось прикрыться.

Несмотря на то что девичья честь была уже полностью повержена. Я приподнялась и вновь опустилась на него, все так же опираясь на ладони. Мое тело, разогретое им же вчера ночью, требовало отнюдь не работы, оно хотело вот этого – ко-

жа к коже, искры между нами, магнитное притяжение столь сильное, что разлепить нас практически невозможно.

– Посмотрим, стоит ли приз усилий, – ухмыльнулся он провокационно.

– Что? – Я отшатнулась, попытавшись слезть с него, но Макс положил горячие ладони мне на бедра, резко вернув обратно, вогнав себя вновь до конца.

– Нет, родео выглядит иначе. Я забыл. Это я должен вырываться... – он поддал бедрами вверх. – Но я не хочу.

Все внутри меня просило двигаться, чувствовать горячую упругую плоть, скользить по ней, и я не могла противостоять этому. Разве я не хотела еще полчаса назад именно такого – бездумного жаркого траха с красивым молодым самцом?

Хорошо, с конкретным красивым молодым самцом, со слишком длинным языком.

Я уперлась ладонями в его твердый живот, откинула голову и просто отдалась ритму: вперед-назад, в глубину, наружу почти до конца, обратно. Загорелые руки на моей коже скользят сначала осмысленно – он ловит грудь ладонями, сложенными лодочкой, накрывает ее, тянется к плечам, оглаживает целиком. Но потом, по мере того, как я ускоряю темп и закусываю губу, чувствуя, как внутри вновь разгорается пламя, движения рук становятся хаотичными. Касание, мимолетное сжатие, пальцы на животе, ловят мои пальцы, ладонь гладит меня по щеке... И дыхание Макса тоже ускоряется, я чувствую, что внутри меня становится все мокрее,

НО И ТЕСНЕЕ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.